

УДК 94 (478)

С.М. Назария

Бессарабский вопрос в новейшей румынистской историографии

Государственный институт международных отношений Молдовы; sergnazar@mail.ru

В статье предпринята попытка представить мнения румынских историков по бессарабскому вопросу, высказанные на рубеже XX–XXI веков. В румынистской историографии тенденция к реалистическому освещению и анализу действительности очень относительна, зато господствует стремление к отражению событий с «патриотических» позиций. Россия (Советский Союз) представлена как агрессивная, экспансионистская держава, захватившая «исконно румынскую провинцию Бессарабию».

Ключевые слова: *бессарабский вопрос, историки, историография, румынизм.*

Актуальность данной проблематики определяется тем фактом, что в последние годы в Румынии и Молдове все чаще предпринимаются попытки «переписать» историю с целью установления новых, «более справедливых» границ. В этом контексте происходит «возрождение» и так называемого «бессарабского вопроса». Все началось с появления ряда новых «исторических исследований», в которых с румынистских позиций доказывается «несправедливость отторжения в 1940 г. советским агрессором исконно румынской земли Бессарабии от родины-матери Великой Румынии». Следующим шагом становятся всё более настойчивые требования ряда румынских и молдавских деятелей исправить историческую несправедливость и «воссоединить» Бессарабию с Румынией. Эти «исследователи» переносят свои сегодняшние идеологии на прошлое, пытаясь «исправить» его посредством ликвидации молдавской государственности.

Нами была исследована румынистская литература (*румынизм* – румынская этнократическая концепция, не признающая идентичность разных восточнороманских этносов и считающая их румынами, сторонники которой выступают за «объединение всего румынского рода в Великую Румынию»), а также националистические мифы румынской историографии.

Тотальное замалчивание «неудобных» фактов, с одной стороны, и «изобретение» не существовавших в действительности, но «удобных» современным румынистам «фактов», «событий» и «явлений», с другой, являются типичными «научными приёмами» «румынских патриотов». Следует отметить, что конфронтационный дух, нетерпимость к иной точке зрения и извращение действительности характеризуют работы, написанные на основе румынистской концепции [17; 18; 19; 20; 39; 41; 44].

В современной румынской и молдавской националистической историографии господствуют оценки Сфатул Церий как истинного «репрезентативного органа Бессарабии», «избранного на демократической основе» [37, р. 1432; 42, р. 3–6], как «собрания, представлявшего все классы и социальные слои бессарабского населения» [24, р. 75], «организма с чёткими парламентскими атрибутами» [44, р. 93], утверждается, что Сфатул Церий «вобрал в себя единогласное одобрение населения Бессарабии» [19, р. 148; 22, р. 21], «отразил национальную структуру, весь политический, профессиональный и институциональный спектр общества» [22, р. 19; 43, р. 108, 113], а выборы в этот «парламент» происходили в условиях, когда «население могло свободно выражать свою волю, избирая своих представителей в состав этого великого форума» [44, р. 82]

и, наконец, объединение от 27 марта 1918 г. «соответствует всем общепринятым критериям национального самоопределения» [10, р. 5].

И.М. Опря считает, что «этот парламент Бессарабии отражал истинное национальное, социальное и политическое представительство румын и национальных меньшинств... являлся законодательным органом, созданным посредством всенародных консультаций, имеющих плебисцитарный характер, и поэтому имеющий полное право решать все вопросы Бессарабии» [39, р. 168]. Он утверждает, что «те, кто ставят под сомнение значение Сфатул Цэрий, не желают признавать, что данный парламент был образован посредством демократической процедуры, а его решения представляли собой завершённую форму западных демократических принципов» [40, р. 718].

Георгий Кожокару отмечает, что «румынские историки увидели в Сфатул Цэрий верховный орган государственной власти, избранный в полном соответствии с демократическими нормами своего времени, обладавший необходимыми законодательными демократическими прерогативами и в точности отражавший социальную, политическую и национальную структуру бессарабского общества. Очень похвально отметить, что в своих исследованиях посткоммунистического периода большинство румынских историков характеризовали Сфатул Цэрий в качестве «представительного органа (собрания)» Бессарабии, в то время как большинство молдавских исследователей склоняются к интерпретации Сфатул Цэрий в качестве «парламента» Бессарабии. В принципе, и одни, и другие чётко придерживаются мысли, что с момента своего учреждения Сфатул Цэрий был единственным законным выразителем суверенитета Молдавской Республики (Бессарабии)» [21, р. 19].

Однако это скорее не действительное положение вещей, а желание этих авторов. Здесь, как и в большинстве случаев, когда возникает дилемма румынской историографии – «истинное или «патриотическое» отражение истории», – мы сталкиваемся с попыткой отражения исторических событий в пользу «патриотизма» в ущерб исторической истине. Мифологизация истории в румынской историографии очень убедительно доказывается в ряде работ известного румынского историка и политолога Лучиана Бойи [13; 14].

При этом румынистами игнорируется основополагающий принцип любого профессионального исторического исследования – принцип историзма. Эту мысль подчеркнул и голландский исследователь В.П. Мерс: «Проблема Сфатул Цэрий несёт в себе сильнейший политический заряд... в румынской историографии... Румынские интерпретации концентрируются на законном праве парламента решать вопрос об объединении, но и эти слабые аргументы перекрываются тяжестью изначально сформулированного румынами предположения, будто бы результат был исторически предопределён» [33, р. 401, 403–404].

Следует обратить внимание и на свойственную многим румынским историкам националистической ориентации иррациональную совето-русофобию, что отмечают и некоторые румынские историки [15, р. 447]. Так, И. Опря утверждает, что Россия извечно являлась самым безжалостным врагом «румынского рода». Любое событие из истории двух народов интерпретируется им как враждебное действие русских в отношении румын: «Соседство этой империи было для румынского народа синонимом настоящего террора истории» [39, р. 5].

«В рамках общей картины этих империалистических целей, – продолжает автор, – подчинение румынских (дунайских) стран являлось постоянной заботой царей России... Гонимые ненасытным стремлением к расширению границ своей империи, русские... дошли в 1709 году до Днестра». Кроме того, считает историк, цели русских все-

гда вступали в противоречие с жизненными интересами румынского народа: «Румынская дипломатия опасалась... что, продолжая расширяться к югу, Россия преследовала захват Константинополя и великих проливов, и для реализации мечты царя Петра Великого, переданной Екатерине II и её наследникам, она, без сомнений, растопчет Румынию, нарушив её независимость и угрожая самому её государственному существованию» [39, р. 6, 7, 29–30, 152; см. также: 16, р. 12, 293].

Ещё хуже его отношение к СССР: «Советская империя постепенно закабалила на своих пространствах нерусские народы, поставила их на службу России, стремясь к их денационализации и в конечном итоге к их полному поглощению» [39, р. 152]. А Болд уверен, что без постоянного сопротивления румынских правительств «русскому экспансионизму» «страна давно была бы превращена в российскую губернию». В румынской историографии также господствует точка зрения, что в отношениях с Россией «румынская дипломатия во все времена имела корректное, цивилизованное, аргументированное отношение», в то время как советская позиция являлась лживой, тенденциозной, основанной на инсинуациях, в соответствии с которыми советские представители всегда утверждали, что Бессарабия является русской землёй ещё с XIV–XV веков. А после признания большевистского «режима внутри страны и на международной арене, восстановления его военной мощи советская дипломатия стала агрессивной, что отравляло атмосферу диалога и предопределило его отрицательный результат» [16, р. 10, 11–12].

Чтобы понять особенности румынского менталитета, следует ознакомиться с переведённой на русский язык книгой Иона и Луизы Попа. И хотя в самом начале заявляется, что «выдержана беспристрастная и непредвзятая манера повествования», уже на следующей странице говорится о «большевистском геноциде Советской России против приднестровских румын», о «советских зверствах в 50-е годы, совершённых с целью сломить сопротивление бессарабских и приднестровских румын», а причина «кровавого приднестровского конфликта» состоит в действиях «националистических политических и военных кругов СССР» [8, с. 7, 8, 9].

Действия России, предпринятые для освобождения балканских народов от османского ига, названы «русской экспансией», её усилия по освоению освобождённых от турок и татар территорий – «принудительной миграцией и колонизацией», а русские в XVII–XVIII веках представлены как враги. В свою очередь, оккупация Бессарабии в 1918 г. описана так, будто «передовые румынские части... перешли Прут, чтобы восстановить порядок в Бессарабии», ну а гитлеровское нашествие на СССР совместно с румынским войском представлено как «освобождение Бессарабии и Северной Буковины» [8, с. 22, 79–81, 40, 86]. В целом же в румынистской литературе бессарабский вопрос представлен как «изобретённый советской стороной “конфликт”» [16, р. 273].

В том же духе в румынской историографии интерпретируется и Вторая мировая война. События июня 1940 г. трактуются исключительно отрицательно. Советский Союз представлен как агрессивная, экспансионистская держава, захватившая «исконно румынские провинции Бессарабию и Северную Буковину». С 1990 г. в Румынии вышли сотни работ, призванные оправдать её участие в войне на стороне Гитлера и политику И. Антонеску. В соответствии с данной концепцией у Румынии «не оставалось иной альтернативы, ведь она оказалась зажатой между двух тоталитарных монстров», а маршал Антонеску стал «спасителем Румынии», «защитником национальных интересов» и «мучеником-героем».

Нота Советского правительства от 26 июня оценивается как ультиматум, появившийся в результате «сговора двух диктаторов, разделивших Восточную Европу». «Аннексия» Бессарабии и Северной Буковины непосредственно увязывается с «пактом Мо-

лотова-Риббентропа», после чего для проживавших на этих территориях «румын» настал период «нескончаемого советского террора». А после 22 июня 1941 г. началось «освобождение» «порабощённых румынских территорий».

Период «борьбы с большевизмом» (1941–1944 гг.) назван «священной войной». Это была «справедливая война за освобождение исторических территорий и против коммунистической опасности с Востока» [17, р. 54; 23, р. 402; 25, р. 216, 223, 242; 35, р. 362; 52, р. 47]. Террор против мирного населения долгое время почти полностью отрицался, однако за последние несколько лет появилось немало работ на эту тему, хотя в любом случае превалируют публикации о «преступлениях советского режима против румынского народа», и в первую очередь – против «бессарабских румын».

Для румынистов имеет значение не отражение событий так, как они происходили, а то, как они «должны были» происходить. А если то, что происходило, не соответствует тому, «как должно было быть», тогда на страницы учебников, «научных» журналов и монографий выносятся версии в соответствии с задачами реализации великорумынского геополитического проекта. «В контексте написания румынской истории «объективность» понимается как «соответствие румынским национальным интересам», а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей» [33, р. 409], – сетует голландец ван Мёрс.

Представляют интерес и некоторые работы историографического характера румынских историков. Так, в одной из них Фл. Ангел подробно анализирует англосаксонскую историографию бессарабского вопроса, выражая своё полное несогласие с американскими историками, которые солидарны со своим правительством в непризнании захвата Бессарабии Румынией [9, р. 349]. Другой историк, Г. Мойса, рассматривает всё написанное по бессарабскому вопросу в Румынии в период социализма, анализирует существовавшие в то время «табу» по данной теме и показывает их постепенное снятие и расширение возможностей для румынских историков писать «более объективно» [34, р. 62–67]. Естественно, под «объективностью» подразумевается тезис «Бессарабия – румынская земля!».

Следует признать, что в румынской историографии много высокопрофессиональных исследований, но нам не встретилась ни одна работа ни одного румынского автора по бессарабскому вопросу, в которой бы события раскрывались и анализировались реалистично и беспристрастно. Более того, по степени правдивости мемуары румынских политиков 1918–1940 гг. [11; 12; 26; 28; 30; 32] на порядок выше всех работ профессиональных историков, в особенности периода после падения диктатуры Н. Чаушеску.

Из всех публикаций западных историков, переведённых на румынский язык и включённых в румынский научный оборот, особо следует отметить работы Ш.Д. Спектора, В.П. Мёрса, Ч. Кинга, К. Хиткинса [29; 31; 33; 45]. Данные исследования, во-первых, выделяются глубоким пониманием авторами процессов, происходивших в Бессарабии и вокруг неё в международной политике. Во-вторых, они раскрывают взаимосвязь внутреннего положения края с международными проблемами.

Не обойдён вниманием изучаемый нами вопрос и в современной молдавской историографии. Работы молдавских историков, написанные после 1991 г., можно разделить на две антагонистические группы: румынистскую [20; 27; 35; 36; 38; 41; 46] и молдо-государственную, интернационалистскую. Эту последнюю в данной статье мы анализировать не будем, отметим только, что некоторые из публикаций данных авторов увидели свет в России [2–7].

В румынской историографии определённым исключением в этом ряду можно считать некоторые монографии И. Цуркану [47; 48], который приводит многочислен-

ные факты, подтверждённые богатейшим архивным материалом и воспоминаниями участников событий об аграрном движении в крае, о тотальном произволе румынских оккупационных властей в Бессарабии, о полном политико-административном бессилии молдавских националистических лидеров в 1917–1918 гг., об отсутствии малейшего авторитета Сфатул Цэрий у населения края и т. д. Но выводы автора сделаны в угоду румынизму и вступают в вопиющее противоречие со всем содержанием его работ.

Одобрительно относятся к действиям румынских оккупационных властей историки И. Негрей и Д. Поштаренку: «Накануне вхождения румынской армии в Кишинев повсеместно царил полный беспорядок... Румынские части двинулись вперед... большевистские остатки были отброшены за Днестр, оставив за собой 10 тысяч убитых» [38, р. 240, 248]. Г. Кожокару применяет один бесчестный прием. Он постоянно пытается представить события таким образом, будто только представители нацменьшинств выступали против румынской интервенции в Молдавскую республику: «Отношение местного населения к вступлению румынских войск на территорию края колебалось в зависимости от этнической принадлежности населенных пунктов» [21, р. 72]. Это наглая, оскорбительная и ничем не подтвержденная ложь, целью которой является противопоставление молдаван и их сограждан других национальностей.

То же можно сказать и о А. Мораре и И. Негрее, пытающихся убедить читателя, что против «национально-освободительного движения» боролись силы, чья «социальная основа состояла из русских, украинских, болгарских, гагаузских и еврейских колонистов» [36, р. 67]. И далее: «Евреи, являющиеся проводниками большевизма, были противниками разделительных границ между населяющими Россию нациями; эти политические и экономические границы становились на пути свободного развития еврейского предпринимательства. Речи инородцев, произнесенные с эгоистическими эмоциями, сопровождаемые ложными обвинениями, недоверием и откровенными угрозами, их попытки свести к нулю значение Сфатул Цэрий и вознести русскую Учредилку, претензии меньшинств на равное господство в Бессарабии, все это преисполнило печалью сердца молдаван». Ниже эти авторы критикуют тех, которые «осмеливались указывать молдавскому народу путь в сторону Петрограда и на Восток, откуда пришли все несчастья» [38, р. 178–179, 181–182].

Также и И.М. Опря утверждает, что прорумынские националисты пользовались поддержкой молдаван. Он повторяет ксенофобский тезис, будто бы одни нацменьшинства оказывали сопротивление румынским интервентам: «Большевистские войска опирались на помощь граждан, находившихся под влиянием инородцев, в особенности русских и украинцев» [39, р. 179].

Читая все это, сложно сразу понять, чего здесь более: беспардонной лжи и наглых претензий на представление мнения и устремлений всех молдаван, профессиональной безграмотности или осознанной фальсификации реального положения вещей, в первую очередь настроений большинства молдаван, или всё это вместе взятое плюс легионерский антисемитизм?

И последнее, что хотелось бы отметить в данной статье, – компетентность некоторых румынистов. Так, многие румынские историки, анализируя положение в Бессарабии весной 1917 г., ссылаются на провозглашённый большевиками принцип самоопределения народов в качестве доказательства законности объединения Бессарабии с Румынией. Однако многие из тех, кто рассматривает революционную ситуацию в России 1917 года, не знакомы с источниками. К примеру, П. Черноводяну, который, раскрывая «Апрельские тезисы» В.И. Ленина [1, с. 113–118], пишет следующее: «Вождь большевиков Ленин опубликовал свои программные «тезисы», состоящие из четырёх

пунктов: 1) переход власти к Советам; 2) прекращение войны, ведущейся против центральных держав, и заключение сепаратного мира без аннексий; 3) всеобщая аграрная экспроприация; 4) национализация крупной промышленности» [19, р. 135].

Незнание автором общеизвестных фактов снижает доверие к проведённому исследованию. В действительности данный документ состоял из десяти пунктов. Принципиальным являлся не просто «переход власти к Советам», а его осуществление мирными средствами. Никогда и нигде большевики не предлагали «прекращения войны, ведущейся против центральных держав, и заключения сепаратного мира», а выступали за всеобщий мир. Также никогда Ленин не выступал за «всеобщую аграрную экспроприацию», а предлагал конфискацию помещичьих земель и их распределение среди крестьян. И предложения о «национализации крупной промышленности» в «Апрельских тезисах» не делалось, а выдвигалась идея общественного (рабочего) контроля над производством.

Или другой пример, когда И.М. Опря, подвергнув критике большевистскую концепцию и политику в области межнациональных отношений, не делает ни единой ссылки на первоисточники, а отсылает читателя к работам А. Болдура. Он также позволяет себе и некоторые фактологические неточности, настойчиво убеждая читателя в том, что VIII съезд РКП (б) состоялся в марте 1918 г. [39, р. 154], хотя в действительности это событие имело место годом позже.

Другой известный румынский историк Болд пишет, что германскую делегацию возглавлял на Генуэзской конференции В. Ратенау (в действительности – канцлер Й. Вирт), а итальянскую – Б. Муссолини (в действительности – Л. Факта). Или, говоря о 30-х гг., он называет ВКП (б) КПСС [16, р. 93, 260, 261]. И последний пример подобного рода: Фл. Ангел заявляет, что договор от 28 октября 1920 г. [49] подписали и США [10, р. 14], хотя Вашингтон никогда не признавал его законности. Естественно, подобного рода ошибки могут быть и не принципиальными, однако они подрывают доверие к автору.

Мы постарались представить в сжатом виде мнения румынских и молдавских прорумынских историков по бессарабскому вопросу. Однако, учитывая его научное и общественно-политическое значение, можно предположить, что полемика историков по данной тематике будет продолжаться ещё много лет.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31.
2. Назария С.М. Аннексия Бессарабии Румынией с позиций международного права и отношение к этому жителей края // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19, № 2. – С. 45–48.
3. Назария С.М. Вопрос о Бессарабии в советско-румынских отношениях в начале 20-х годов и попытка его мифологизации в румынистской историографии // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 4. – С. 39–47.
4. Назария С.М. Июньские 1940 г. события в Бессарабии и их трактовка в современной историографии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Санкт-Петербург. – 2013. – Т. 4, № 3. – С. 92–101.
5. Назария С.М. Орган молдавских националистов Сфатул Цэрий (1917 г.) и его оценки в современной румынистской историографии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Санкт-Петербург. – 2013. – Т. 4, № 4. – С. 17–26.
6. Назария С.М. Плач по «похищенной провинции». Околоисторические фантазии об «освободительном» характере войны Румынии против СССР // Родина. – 2009. – № 12. – С. 152–155.

7. Назария С.М. События июня 1940 г. в Бессарабии и их интерпретации в современной историографии // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 2. – С. 17–21.
8. Пона И., Пона Л. Румыны, Бессарабия и Приднестровье. – Кишинев, 2010.
9. Anghel Fl. Politica externă sovietică interbelică în viziunea istoriografiei anglo-saxone // Revista istorică. Academia Română. – 1997. – № 5–6.
10. Anghel Fl. Relațiile româno-sovietice la Conferința de la Varșovia (1921) // Studii și materiale de istorie contemporană. – 2003. – Vol. 2.
11. Argetoianu C. Memorii. Vol. 5. – Buc., 1995.
12. Averescu A. Notițe zilnice din război. Vol. 2. 1916–1918. – Buc., 1992.
13. Boia L. Jocul cu trecutul: Istoria între adevăr și ficțiune. – Buc., 1998.
14. Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. – Buc., 1997.
15. Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P. Istoria României. – Buc., 1998.
16. Bold Em., Locovei R.O., Ioniță A. Relațiile româno-sovietice (1918–1941). – Iași, 2008.
17. Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și războiul din Est // Dosarele istoriei. – 1999. – № 7.
18. Calafeteanu C. România, 1940: urmările unei nedreptăți // Historia. Revistă de istorie. – 2008. – № 6.
19. Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806–1920). – Buc., 1993.
20. Cojocaru Gh. Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918–1923). – Buc., 1997.
21. Cojocaru Gh. Sfatul Țării: Itinerar. – Chișinău, 1998.
22. Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. – Buc., 1995.
23. Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. – Buc., 1997.
24. Dobrinescu V.Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940. – Iași, 1991.
25. Dobrinescu V.Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939–1947). – Iași, 1995.
26. Duca I.G. Memorii. Vol. 3–4. Războiul (1916–1919). – Buc., 1994.
27. Enciu N. Basarabia în anii 1918–1940. Evoluție demografică și economică. – Chișinău, 1998.
28. Ghibu O. Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917–1918). Amintiri. – Chișinău, 1992.
29. Hitchins K. România. 1866–1947. – Buc., 1998.
30. Iorga N. Memorii. Vol. 1. – Buc., 1939.
31. King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. – Chișinău, 2002.
32. Marghiloman A. Note politice. Vol. 1–3. – Buc., 1993–1995.
33. Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. – Chișinău, 1996.
34. Moisa G. Chestiunea Basarabiei în discursul istoriografic comunist // Historia. Revistă de istorie. – 2013. – № 1.
35. Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812–1993). – Chișinău, 1995.
36. Moraru A., Negrei I. Anul 1918. Ora astrală a neamului românesc. – Chișinău, 1998.
37. Mușat M., Ardeleanu I. Confirmarea internațională a Marii Uniri în 1918 // Revista de istorie. – 1998. – T. 34, № 8.

38. Negrei I., Poștarencu D. O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917–1918). – Chișinău, 2004.
39. Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900–1924. Vol. 1. – Buc., 1998.
40. Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924) // Revista istorică. Serie nouă. T. 3. – 1992. – № 7–8.
41. Pădureac L. Relațiile româno-sovietice (1917–1934). – Chișinău, 2003.
42. Scurtu I. Sfatul Țării, organ reprezentativ al Basarabiei // Magazin Istoric. – 1993. – № 12.
43. Scurtu I. etc. Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1994. – Buc., 1994.
44. Scurtu I. etc. Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1998. – Buc., 1998.
45. Spector Sh.D. România la Conferința de pace de la Paris. Diplomazia lui I.C. Brătianu. – Iași, 1995.
46. Țăcu O. Problema Basarabiei și relațiile sovieto-române în perioada interbelică (1919–1939). – Chișinău, 2004.
47. Țurcanu I. Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940. – Chișinău, 1991.
48. Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. – Chișinău, 1998.
49. <http://www.doc20vek.ru/node/1379>.

Поступила в редакцию 30 декабря 2013 г.

UDK 94 (478)

Bessarabian problem in Romanian contemporary historiography

S.M. Nazariya

Moldova State Institute of International Relations; sergnazar@mail.ru

The article presents the views of Romanian and Moldovan historians on Bessarabian problem that were stated at the turn of the XX–XXI centuries. The trend toward a realistic coverage and analysis of the Bessarabian question in effect is insignificant in Romanian historical literature, the desire to describe the events from «patriotic» standpoint. Russia / Soviet Union is represented as an aggressive, expansionist power that captured «native Romanian province of Bessarabia».

Keywords: *Bessarabian problem, historians, historiography, Romanism.*

Received December 30, 2013